

DOI: 10.14258/tpai(2021)33(2).-06

УДК 903.25 (571.51)

ТРЕХЧАСТНЫЕ НАШИВКИ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОМПЛЕКСАХ НИЖНЕГО ПРИАНГАРЬЯ

Д. А. Максакова, П. О. Сенотрусова

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2163-9562>, e-mail: dascha.maksakova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3969-9907>, e-mail: pollina1987@rambler.ru

Резюме: В статье проанализированы трехчастные нашивки из ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино, расположенного в Нижнем Приангарье. Выделены варианты данного типа украшений, приведено их территориальное распространение в масштабах региона и Северной Евразии. Представлены хронологические рамки бытования предметов в пределах изучаемого археологического комплекса. Наибольшее разнообразие вариантов нашивок отмечено в погребениях XII — середины XIII в. В комплексах монгольского времени (XIII–XIV вв.) преобладают нашивки с гладким щитком и изделия с прочерченной линией. Украшения с выпуклым фигурным носиком, с «жемчужинами» на ушках и с прочерченной линией в центре щитка не отмечены в материалах близлежащих и отдаленных археологических комплексов Северной Евразии. В работе выдвигается положение об универсальном использовании трехчастных нашивок. Визуальное исследование предметов позволило зафиксировать технологические следы, отражающие технические приемы изготовления украшений. Приведена характеристика рецептуры использовавшихся сплавов. По опубликованным на данный момент материалам установлено, что Нижнее Приангарье является северо-восточным регионом массового распространения трехчастных нашивок.

Ключевые слова: Нижнее Приангарье, развитое Средневековье, украшения, нашивки, типология, хронология, техника изготовления

Для цитирования Максакова Д. А., Сенотрусова П. О. Трехчастные нашивки в средневековых комплексах Нижнего Приангарья // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33, № 2. С. 110–126. DOI: 10.14258/tpai(2021)33(2).-06

THREE-PART APPLIQUES FROM MEDIEVAL COMPLEXES OF THE LOWER ANGARA REGION

Daria A. Maksakova, Polina O. Senotrusova

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2163-9562>, e-mail: dascha.maksakova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3969-9907>, e-mail: pollina1987@rambler.ru

Abstract: The present paper investigates three-part appliques from the ensemble of archaeological sites of Shivera Prospikhino, which was located in the Lower Angara region. The variants of this type of jewelry have been indicated, and their territorial distribution in the region and Northern Eurasia have been determined. The chronological frame of the extent of appliques during the research archaeological complex is presented. The highest diversity of variants of appliques are recorded in the burials of the 12th — middle 13th century. In the burials of the Mongol period (the 13th –14th century) appliques with a plain shield and items with a drawn line on shield predominate. Jewelry with a convex figured nose, with “pearls” on the ears and with a drawn line in the center of the shield have not been not marked in the

materials of nearby and distant archaeological complexes of Northern Eurasia. The paper puts forward a position on the universal using of three-part appliques. Visual research of the appliques allowed us to record technological traces that reflect the techniques of making jewelry. The characteristic of the recipe of the alloys used has been presented. At the moment, the published materials indicate that the territory of the Lower Angara region is the north-eastern border of the mass distribution of three-part appliques.

Keywords: Lower Angara region, High Middle Ages, jewelry, appliques, typology, chronology, manufacturing techniques

For citation: Maksakova D. A., Senotrusova P. O. Three-Part Appliques from Medieval Complexes of the Lower Angara Region // *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2021;33(2):110–126. (In Russ.) DOI: 10.14258/tpai(2021)33(2).-06

Введение

Трехчастные нашивки являются одними из наиболее распространенных видов украшений на территории Северной Евразии в Средневековье. В бассейне нижнего течения Ангары они представлены в составе сопроводительного инвентаря погребений лесосибирской археологической культуры, занимавшей западную часть южнотаежной зоны Средней Сибири в XI–XIV вв. [Мандрыка, Сенотрусова, 2018]. Данная категория украшений ранее отдельно не исследовалась, они привлекались только для общей характеристики культуры населения Нижнего Приангарья 1-й трети II тыс. н.э.

Впервые для Нижнего Приангарья эти нашивки были выделены в отдельный тип украшений при анализе материалов могильника Проспихинская Шивера-IV. Изделия обозначены как трехчастные или дуговые нашивки, отмечалось, что в целом они однотипны, но отличаются деталями рельефного оформления частей щитка [Сенотрусова, 2013].

Для описания трехчастных нашивок пока не разработана единая терминология и сами нашивки называют по-разному: «серповидные тройчатки», «месяцевидные/луновидные бляшки», «фестончатые накладки», «дуговидные накладки», «лунницы», «пластинки-накладки» и др. [Леонтьев, 1985, с. 135; Привалихин, 1993, с. 102; Дульзон, 1953, с. 271; Мажитов, 1977, с. 22; Боброва, 2003, с. 27; Гордиенко, 2018, с. 52]. Исследователями ранее не были поставлены вопросы о распространении и времени бытования трехчастных нашивок на территории Нижнего Приангарья, о технике их изготовления, а также о способах их использования средневековым населением региона.

Трехчастные нашивки, найденные в материалах археологических памятников эпохи Средневековья на других территориях, также не становились предметом специального изучения. Но в ряде работ рассматриваются некоторые вопросы, касающиеся характеристики изделий. А. В. Гордиенко [2018, с. 112] предложил хронологическую схему распространения разных типов подобных изделий по способу оформления щитка на территории Сургутского Приобья. Н. А. Мажитов [1977, с. 29], при разработке типологии лунницевидных накладок, обнаруженных в средневековых комплексах Южного Урала, учитывал форму щитка изделий. А. В. Данич [2013, с. 192] представил типологию накладок в виде полумесяца, обнаруженных в материалах Питерского (Степаново плотбище) могильника, главным признаком для исследователя служил декор изделий. Н. В. Федорова и А. П. Зыков [1991, с. 140] поставили вопрос об импортном характере трехчастных нашивок на территории Сургутского Приобья — как пришедших из Приуралья.

Отдельные аспекты техники изготовления рассматривались исследователями на материалах Поволжья. В работе Н. В. Енисовой и соавторов предложена технологическая схема изготовления накладок в форме лунницы по материалам Больше-Тиганского могильника и приведены количественные данные о химическом составе металла изделий, полученных с помощью метода энергодисперсного РФА [Валиулина, Енисова, Орфинская, 2018, с. 41].

На территории Западносибирского Заполярья в материалах Тазовской мастерской (X–XIII вв.) были найдены семь «нашивок тройчаток с серповидной центральной частью». Шесть бронзовых нашивок представляют собой типичный брак, одна серебряная нашивка является качественным законченным экземпляром. Исследователи предполагают, что данные изделия изготавливались непосредственно на месте [Хлобыстин, Овсянников, 1973, с. 255].

Функциональное назначение трехчастных нашивок анализировалось на основании материалов погребений, в которых зафиксирована хорошая сохранность костюма погребенных [Дульзон, 1953, с. 271; Боброва, 2015, с. 87].

Исследователями накоплен значительный опыт по изучению подобных бронзовых украшений, но для территории Нижнего Приангарья такой работы пока не проведено.

Морфология и типология трехчастных нашивок Нижнего Приангарья

В настоящей статье анализируются бронзовые трехчастные нашивки Нижнего Приангарья. Источниковую базу исследования составили находки данных украшений, полученные при изучении ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино.

Ансамбль археологических памятников Шивера Проспихино располагался в 11,5 км к юго-востоку от города Кодинска на правом берегу Ангары. Сейчас это место затоплено водами Богучанского водохранилища. В пределах территории ансамбля выявлено 15 археологических памятников. Трехчастные нашивки найдены на двух из них.

На стоянке Проспихинская Шивера-II, располагавшейся в северной части ансамбля, в 2011 г. было изучено погребение XIII–XIV вв., совершенное по обряду трупосождения на стороне, в составе сопроводительного инвентаря которого было 108 трехчастных нашивок [Мандрыка, Сенотрусова, 2015, с. 383, 388].

Большая часть рассматриваемых нашивок получена при исследовании могильника Проспихинская Шивера-IV, где выявлено 88 погребений, совершенных по обряду кремации на стороне. Памятник датирован XI–XIV вв., для него получены антропологические определения и серия абсолютных дат, проведен ряд естественно-научных исследований [Мандрыка, Сенотрусова, 2018; Сенотрусова, Мандрыка, Пошехонова, 2014]. В сопроводительном инвентаре 14 погребений зафиксированы бронзовые трехчастные нашивки, общее число которых составляет 128 предметов.

Находки бронзовых трехчастных нашивок на территории Нижнего Приангарья и бассейна Среднего Енисея отмечены также в следующих археологических комплексах (рис. 1): устье р. Чадобец, могильник Сергушкин-3, стоянка Пашино, стоянка Усть-Кова-I, стоянка Отико-1, могильник на стоянке Галкина-1 [Привалихин, Фокин, 2009, с. 322; Леонтьев, 1985, с. 135–137; Привалихин, 1993, с. 101–103; Томилова и др., 2011, с. 477–478; Богучанская..., 2014, с. 78–79; Денисенко, Филатов, 2020, с. 67–70].

Рис. 1. Карта распространения бронзовых трехчастных нашивок на территории Нижнего Приангарья и сопредельных районов: 1 – могильник на стоянке Галкина-1; 2 – стоянка Чадобец; 3 – стоянка Проспихинская Шивера-II; 4 – могильник Проспихинская Шивера-IV; 5 – стоянка Пашино; 6 – стоянка Усть-Кова-I; 7 – могильник Сергушкин-3; 8 – стоянка Отико-1

Fig. 1. Map of the distribution of bronze appliques, on the territory of the Lower Angara region and adjacent regions: 1 – Galkina-1; 2 – Chadobec; 3 – Prospikhinskaya Shivera-II; 4 – Prospikhinskaya Shivera-IV; 5 – Pashino; 6 – Ust-Kova-I; 7 – Sergushkin-3; 8 – Otiko-1

Общее число бронзовых трехчастных нашивок, найденных в Нижнем Приангарье и сопредельных районах, составляет 364 предмета, с учетом данных изделий из комплексов Проспихинская Шивера-II (108 предметов) и Проспихинская Шивера-IV (128 предметов). Таким образом, анализируемая выборка составила 236 предметов (64,8% от общего количества нашивок в пределах Нижнего Приангарья), из этого числа 191 экземпляр (80,9%) хорошей сохранности, что позволяет провести их детальную характеристику. Часть предметов оплавлена и деформирована в результате пирогенного воздействия, они в работе не учитывались. Каждая трехчастная нашивка визуально осматривалась и описывалась по следующим признакам: сохранность, сечение, оформление щитка, способ крепления, размер, особенности техники изготовления, химический состав сплава.

Анализ морфологического описания позволяет выделить внутри типа «трехчастные нашивки» пять вариантов по оформлению щитка.

Вариант 1 (165 экз.). Трехчастные нашивки с гладким щитком, трапециевидные (128 экз.) или плоские (37 экз.) в сечении (здесь и далее указывается сечение центральной части изделия) (рис. 2.-1-24). Нашивки крепились с помощью двух петель, расположенных на ушках с оборотной стороны (160 экз.), или отверстий (3 экз.). Петли во всех случаях отливались сразу вместе с нашивкой. По размерам нашивки можно разделить на следующие группы: мелкие — от 2,3×1,2×0,2 см до 2,6×1,2×0,2 см (7 экз.); средние — от 2,7×1,0×0,2 см до 3,5×1,5×0,2 см (141 экз.); крупные — от 3,7×1,5×0,2 см до 4,2×1,7×0,2 см (12 экз.); самые крупные — 4,7×1,2×0,2 см (4 экз.).

В Нижнем Приангарье и бассейне Среднего Енисея этот вариант нашивок зафиксирован в следующих комплексах: устье р. Чадобец, стоянка Пашино, стоянка Отико-1, стоянка Усть-Кова-I, могильник Сергушкин-3, могильник на стоянке Галкина-1. Аналогичные изделия известны в комплексах Дальнего Востока конца I — начала II тыс. н.э., в Сургутском Приобье в VIII–IX вв. (могильник Барсовский-I), в Юганском Приобье в XIII — 1-й половине XIV в. (могильник Киняминский-1), в Нарымском Приобье в XII–XIV вв. (Тискинский могильник) и в XVII–XVIII вв. (могильник Максимо-ярский-I и Ёлтыревский-II) [Медведев, 1986, с. 40–41, 107, 113–114; 1991, с. 40, 97; Гордиенко, 2018, с. 138; Семенова, 2001, с. 78; Боброва, 1982, с. 38; Нарымское Приобье..., 2016, с. 108–109].

Подобный вариант оформления щитка нашивок, но со штифтами для крепления на оборотной стороне, известен на территории Поволжья в археологических комплексах государства гузов конца VIII — начала XI в. (могильники Журов, Киляковка) и в материалах IX — начала X в. Больше-Тиганского могильника, на территории Пермского Предуралья в IX–XI вв. (могильники Питерский, Баяновский) [Круглов, 2016, с. 194, 206; Валиулина, Енисосова, Орфинская, 2018, с. 41; Данич, 2013, с. 192–193; 2016, с. 43].

Вариант 2 (16 экз.). Трехчастные нашивки с «жемчужиной» в центральной части щитка, трапециевидные (15 экз.) или плоские (1 экз.) в сечении (рис. 2.-25–30). Крепились с помощью двух петель, на одной нашивке для крепления было просверлено отверстие в центральной части щитка. Петли во всех случаях отливались сразу вместе с нашивкой. По размерам нашивки можно разделить на две группы: мелкие от 2,5×1,2×0,1 см до 2,8×0,9×0,2 см (6 экз.); и крупные от 3,0×0,8×0,1 см до 3,6×1,2×0,05 см (10 экз.).

Аналогичные изделия известны на территории Сургутского Приобья в IX — 1-й половине XIII в. (городище Барсов городок, могильник Сайгатинский-IV, клад с Барсовой горы) и в Западносибирском Заполярье, в материалах Тазовской мастерской (X–XIII вв.) [Гордиенко, 2018, с. 138; Хлобыстин, Овсянников, 1973, с. 250].

Рис. 2. Трехчастные нашивки из ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино: 1–24 – вариант 1; 25–30 – вариант 2; 31–32 – вариант 3; 33–34 – вариант 4; 35–36 – вариант 5 (1–11, 13–17, 19–20, 35–36 – Проспихинская Шивера-II; 12, 18, 21–34 – Проспихинская Шивера-IV)

Fig. 2. Three-part appliques from the ensemble of archaeological sites of Shivera Prospikhino: 1–24 – option 1; 25–30 – option 2; 31–32 – option 3; 33–34 – option 4; 35–36 – option 5 (1–11, 13–17, 19–20, 35–36 – Prospikhinskaya Shivera-II; 12, 18, 21–34 – Prospikhinskaya Shivera-IV)

Вариант 3 (5 экз.). Трехчастные нашивки с выпуклым фигурным носиком, трапециевидные в сечении (рис. 2.-31–32). Нашивки крепились с помощью шпеньков, которые отливались одновременно с предметом (4 экз.), или с помощью двух петель, расположенных на ушках с оборотной стороны (1 экз.). Петли отливались одновременно с нашивкой. Размеры нашивок 2,3×0,9×0,2 см, одна нашивка крупная, ее размеры 4,2×1,1×0,2 см.

Вариант 4 (3 экз.). Трехчастные нашивки с «жемчужинами» на ушках, трапециевидные (2 экз.) или плоские (1 экз.) в сечении (рис. 2.-33–34). Нашивки крепились с помощью двух петель, расположенных на ушках с оборотной стороны. Петли отливались одновременно с изделием. Размеры нашивок от 2,5×1,0×0,1 см до 2,9×1,2×0,2 см.

Вариант 5 (2 экз.). Трехчастные нашивки с прочерченной линией в центре щитка, трапециевидные в сечении (рис. 2.-35–36). Нашивки крепились с помощью двух петель, расположенных на «ушках» с оборотной стороны. Они отливались одновременно с изделием. Размеры нашивок 2,7×1,2×0,2 см и 3,2×1,4×0,3 см.

В погребении со стоянки Проспихинская Шивера-II обнаружены трехчастные нашивки первого и пятого вариантов. В двух погребениях могильника Проспихинская Шивера-IV отмечено сочетание также первого и второго варианта трехчастных нашивок. В одном погребении некрополя найдены украшения первого, второго, третьего и четвертого вариантов. Для остальных погребений могильника характерно наличие только одного варианта трехчастных нашивок.

Трехчастные нашивки распространены на большой территории: от Дальнего Востока до Поволжья, от Нижнего Чулыма до Западносибирского Заполярья, и имеют широкие хронологические рамки, продолжая бытовать с раннего до позднего Средневековья включительно. Трехчастные нашивки на территории Нижнего Приангарья были распространены в XI–XIV вв.

Хронология трехчастных нашивок Нижнего Приангарья

Анализ трехчастных бронзовых нашивок, найденных при изучении ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино, позволил выделить пять вариантов этих изделий. Корреляция предложенных вариантов и хронологических групп погребений могильника Проспихинская Шивера-IV и Проспихинская Шивера-II [Мандрыка, Сенотрусова, 2018] дала следующие результаты.

Самый многочисленный первый вариант нашивок с гладким оформлением щитка отмечен в погребениях трех хронологических групп¹, процентное соотношение нашивок по группам следующее: XI — начало XII в. — 0,6% (здесь и далее приводится процент данного варианта нашивок от его общего количества); начало XII — середина XIII в. — 20,7%; XIII–XIV вв. — 65,2%. Для погребений начала XII — середины XIII в. характерны трехчастные нашивки второго (87,5%), третьего (100%) и четвертого (66,7%) вариантов. Все нашивки пятого варианта отмечены в погребениях XIII–XIV вв. В погребениях XI — начала XII в., относящихся к ранней хронологической группе быто-

¹ Авторы опираются на хронологические группы погребений, выделенные при анализе обряда и сопроводительного инвентаря некрополя Проспихинская Шивера-IV. Подробнее о критериях их выделения см.: [Мандрыка, Сенотрусова, 2018, с. 107].

вания могильника Проспихинская Шивера-IV, представлены единичные экземпляры трехчастных нашивок.

Таким образом, наибольшее разнообразие вариантов нашивок отмечено в погребениях XII — середины XIII в. В захоронениях монгольского времени преобладают нашивки с гладким щитком и только в это время представлены изделия с прочерченной линией. В целом для наиболее поздних комплексов характерно увеличение числа украшений этого типа в погребениях. Находки трехчастных нашивок в археологических комплексах раннего и позднего Средневековья на территории Нижнего Приангарья пока не обнаружены.

Отметим, что не наблюдается прямой связи между числом нашивок в погребениях и количеством погребенных. В четырех случаях в коллективных погребениях (2–3 человека) зафиксирована всего одна трехчастная нашивка, в одном случае — две. В трех случаях в коллективных погребениях (2 человека) отмечено соответственно 20, 22, 48 трехчастных нашивок. В одиночных мужском и женском погребениях отмечено 10 нашивок. Особо стоит выделить погребение со стоянки Проспихинская Шивера-II предположительно одного мужчины со 108 трехчастными нашивками, вероятно, украшавшими один предмет.

В целом для ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино характерно наличие вариативности трехчастных нашивок по оформлению щитка, что не отмечено в других комплексах Северной Евразии. Трехчастные нашивки с гладким щитком (вариант 1) имеют аналогии в средневековых комплексах Нижнего Приангарья, бассейна Среднего Енисея, на территории Дальнего Востока, Западной Сибири, Пермского Предуралья, Поволжья. Нашивки второго варианта отмечены в материалах Сургутского Приобья и Западносибирского Заполярья. Нашивки других вариантов на сопредельных к Ангаре территориях не известны. Таким образом, можно говорить о том, что нижнее течение Ангары является самым северо-восточным регионом массового распространения трехчастных нашивок.

Технические аспекты производства трехчастных нашивок

При визуальном осмотре трехчастных нашивок отмечены особенности, позволяющие говорить о некоторых технических аспектах их производства.

Трехчастные нашивки имеют недоливы, которые могут быть вызваны следующими причинами: дефектами формы, нехваткой металла, пониженной жидкотекучестью металла, воздушными пробками, низкой газопроницаемостью формы [Минасян, 2014, с. 117; Зайцева, Сарачева, 2011, с. 135]. Из них дефекты формы, нехватку металла и пониженную жидкотекучесть, вероятно, стоит отнести к примерам, когда недоливы отмечаются по контуру щитка и ушек (рис. 2.-6). По причинам низкой газопроницаемости формы и воздушных пробок наиболее вероятно образование недоливов на лицевой поверхности щитка и ушек (рис. 2.-18, 24).

У всех трехчастных нашивок обратная сторона не обработана, тогда как с лицевой стороны все они почищены и дополнительно заполированы. В целом обратную сторону изделия средневековые мастера дополнительно обрабатывали очень редко [Минасян, 2014, с. 35, 58].

На поверхности лицевой стороны трехчастных нашивок отмечена пористость — разные по величине газовые поры (рис. 2.-5, 14, 29). Причиной такого дефекта может быть плохая вентиляция литейной формы [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 143]. Необходимо отметить, что наибольшее количество газовых пор концентрируется поблизости от литника [Минасян, 2014, с. 75, 117]. На представленном экземпляре (рис. 2.-5) расположенные группой газовые поры на ушке трехчастной нашивки способствовали выявлению на оборотной стороне не удаленного выпуклого наплыва незначительного размера — литника.

Присутствуют примеры трехчастных нашивок, у которых петли смещены от ушек ближе к щитку (рис. 2.-10, 20). В отношении петель также стоит отметить технологический дефект, когда они сформированы так, что не образуют собой отверстия, необходимого для крепления изделий (рис. 2.-28).

В числе обнаруженных технологических дефектов на трехчастных нашивках можно привести один случай трещины (расслоения изделия) на щитке (рис. 2.-23), что появилось на изделии изначально, так как края в зоне образованной трещины оплывшие. Вполне возможно, этот дефект появился при застывании металла [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 135].

Экземпляром литейного брака является трехчастная нашивка с наплывами на щитке и одном ушке (рис. 2.-21). Однако стоит отметить, что подобный наплыв мог образоваться и в процессе нахождения предмета в погребальном костре. Другой наплыв расположен по всему контуру изделия с одной стороны (рис. 2.-20), что привело к изменению общей формы предмета. Этот наплыв мог образоваться при смещении створок литейной формы [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 133].

Помимо технологических дефектов трехчастные нашивки содержат различные следы, которые не являются технологическим браком, но несут в себе дополнительную информацию о предмете изучения.

Мягкие контуры прочерченной линии в центре щитка указывают на то, что данный декор наносился на восковую модель до отливки изделия, а не после [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 144]. Это справедливо и в отношении трехчастных нашивок с «жемчужинами» на ушках и на щитке, так как контуры у данного углубленного декора с оборотной стороны также мягкие и оплывшие.

Трапецевидное и плоское сечение центральной части трехчастных нашивок свидетельствует об изготовлении данных изделий в литейных формах разных моделей. Причем в трех выделенных вариантах трехчастных нашивок отмечено как трапецевидное, так и плоское сечение предметов, что говорит о том, что даже нашивки одного варианта отливались по разным технологическим схемам. Заметим, что у трех нашивок второго варианта, трапецевидных в сечении центральной части изделия, ушки имеют плоское сечение (рис. 2.-25). Притом у данных предметов также отсутствуют петли, но на ушках имеются наплывы. Вероятно, это следует объяснять дефектами литейной формы.

При анализе коллекции трехчастных нашивок ансамбля археологических памятников Шивера Проспихино не отмечено хотя бы двух абсолютно идентичных предметов. Напротив, даже одинаковые по размерам и пропорциям предметы всегда имеют небольшие различия по форме, толщине, конфигурации петель. Это позволяет предпо-

лагать, что формы для отливки были одноразовые, а формовка восковой модели проводилась индивидуально вручную для каждого предмета.

Как уже отмечалось выше, есть три варианта крепления трехчастных нашивок: петли, шпеньки и отверстия. Петли отливались одновременно с изделием, они сразу формировались на восковой модели, но разными способами. Во-первых, это выплавка штырьков (одного или двух), которые впоследствии были полностью согнуты (рис. 2.-10, 16, 23, 26, 33) или загнуты для образования петли (рис. 2.-7, 9, 14). Во-вторых, это использование для формирования петель на восковой модели стержней разного сечения (округлого, прямоугольного) из твердых материалов (рис. 2.-1-6, 8, 11-13, 15, 19, 22, 24, 29-30, 35-36).

Шпеньки также отливались одновременно с предметом, они формировались на восковой модели. Об этом говорит отсутствие сварочных швов в месте их крепления (рис. 2.-31-32).

Разные способы крепления не имеют прямой корреляции с выделенными вариантами трехчастных нашивок. Для изделий первого и второго вариантов характерно разное изготовление петель. Нашивки третьего варианта крепились с помощью шпеньков или с помощью петель, выполненных при использовании стержня, прямоугольного в сечении. У нашивок четвертого и пятого вариантов петли моделировались только одним способом, соответственно с помощью одного согнутого штырька и с помощью стержня, округлого в сечении.

Заметим, что разные способы выполнения петель имеют следующие закономерности при распределении хронологических групп погребений могильника Проспихинская Шивера-IV и Проспихинская Шивера-II.

Для погребений XI — начала XII в., относящихся к ранней хронологической группе бытования могильника Проспихинская Шивера-IV, представлены единичные экземпляры трехчастных нашивок, у которых отмечено моделирование петель с помощью использования стержней разного сечения из твердых материалов. Трехчастные нашивки из погребений начала XII — середины XIII в. крепились с помощью петель, согнутых из одного или двух штырьков, либо они формировались на восковой модели с использованием дополнительных стержней. Преобладающим же способом крепления изделий для данной хронологической группы является моделирование петель из одного согнутого штырька (41,8%). В погребениях монгольского времени отмечены трехчастные нашивки, которые крепились с помощью петель, выполненных всеми представленными способами. Здесь появляется прием выполнения петель с помощью выплавки двух штырьков, которые впоследствии загибались навстречу друг другу. Преобладающим же способом крепления для нашивок середины XIII–XIV в. является моделирование петель с помощью стержней разного сечения из твердых материалов (84,5%). Таким образом, разнообразие выполнения петель характерно для комплексов предмонгольского и монгольского времени, для которых, как уже отмечалось, характерно увеличение числа трехчастных нашивок в погребениях.

В случае, когда петли ломались в ходе использования украшения, на ушках просверливали отверстия для его крепления к основе (рис. 2.-17-18). Данный факт ремонта говорит о том, что украшение было необходимо. Здесь же стоит отметить при-

мер трехчастной нашивки, у которой сделанные петли (толстые, хорошо выраженные) не соответствуют ни одному из характерных для нашивок способов выполнения петель (рис. 2.-19). В 12 случаях одна из двух петель у трехчастных нашивок была изношена (рис. 2.-2-4, 13, 30), что указывает на факт использования украшения при жизни, а не только в составе погребального костюма.

Одним из важных аспектов исследования являлось проведение на базе Алтайского государственного университета рентгенофлуоресцентного анализа 100 трехчастных нашивок (52,4% от числа изучаемых изделий) из погребения со стоянки Проспихинская Шивера-II и погребений могильника Проспихинская Шивера-IV [Сенотрусова, Мандрыка, Тишкин, 2015]. Работа осуществлялась под руководством доктора исторических наук А. А. Тишкина с использованием рентгенофлуоресцентного спектрометра ALPHA SERIES™ (модель Альфа-2000, производство США).

Результаты рентгенофлуоресцентного анализа показали, что трехчастные нашивки отливались из разных трехкомпонентных сплавов на основе меди. Большая часть изделий была изготовлена из оловянно-свинцовой бронзы — 95 предметов (95% от числа исследованных нашивок). Из свинцовой латуни отлито три изделия, а из свинцово-оловянной бронзы — два предмета. К сожалению, при отборе трехчастных нашивок для проведения рентгенофлуоресцентного анализа не учитывалась их вариативность. Так, из 100 анализируемых изделий 95 предметов — это трехчастные нашивки с гладким оформлением щитка. В выборку для рентгенофлуоресцентного анализа не попали трехчастные нашивки с выпуклым фигурным носиком и с «жемчужинами» на ушках. Таким образом, невозможно выявить определенные закономерности в распределении сплавов относительно вариантов оформления щитка трехчастных нашивок. Нашивки пятого варианта изготовлены только из оловянно-свинцовой бронзы. Из этого же сплава отлито и 94,7% (от числа анализированных) трехчастных нашивок с гладким оформлением щитка.

В археологических комплексах Северной Евразии трехчастные нашивки обнаружены и в погребениях, выполненных по обряду ингумации. В ряде случаев хорошая сохранность костюма погребенных представляют нам различные способы использования данной категории украшений. Трехчастные нашивки служили украшением поясов, ожерелий, головных уборов, обуви, сбруйных наборов [Семенова, 2001, с. 269; Боброва, 1982; 2015, с. 87; Нарымское Приобье..., 2016, с. 108–109; Круглов, 2016, с. 203, 203–206].

Вероятно, разное количество трехчастных нашивок в погребениях стоянки Проспихинская Шивера-II и могильника Проспихинская Шивера-IV можно объяснить способом их использования или же социальной принадлежностью погребенных. Вполне возможно, что способ использования трехчастных нашивок менялся с течением времени, так как в погребениях ранней хронологической группы могильника Проспихинская Шивера-IV (XI — начало XII в.) отмечены лишь единичные экземпляры нашивок.

Определенные выводы о технике изготовления трехчастных нашивок нам позволяют сделать приведенные выше технологические дефекты и следы. Все нашивки отливались по восковой модели, в двухстворчатых литейных формах. На это указывает наплыв по контуру нашивки из-за смещения створок формы, следы обработки воска, сохранившиеся на готовых изделиях (рис. 2.-12, 20), техника выполнения прочерченной ли-

нии в центре щитка, «жемчужин» на ушках и «жемчужин» в центральной части щитка. Все нашивки хоть незначительно, но отличаются размерами, формой, диаметром ушек и другими деталями, что позволяет говорить об отсутствии массового тиражирования трехчастных нашивок. Большой процент предметов с браком (30,9% от общего количества предметов) показывает, что уровень литейного производства был невысоким.

Таким образом, можно говорить о том, что трехчастные нашивки изготавливались в ремесленном центре или центрах, где уровень литейного производства был низким и еще не вырос до уровня ремесла. На территории Нижнего Приангарья и сопредельных районов в эпоху Средневековья пока нет свидетельств местного бронзолитейного дела. Отливка трехчастных нашивок зафиксирована в Западносибирском Заполярье в Тазовской мастерской (X–XIII вв.). Впрочем, однозначно утверждать, что ангарские трехчастные нашивки изготовлены в данном центре, нельзя. Вопрос о месте производства трехчастных нашивок остается открытым, решение его на данный момент затрудняется не только отсутствием сведений о химическом составе подобных изделий из археологических комплексов других районов Северной Евразии, но и даже отсутствием их детальной характеристики, в ходе которой отмечаются технологические дефекты и следы.

Заключение

Трехчастные нашивки являются важным археологическим источником эпохи развитого Средневековья Нижнего Приангарья. На основании морфологического анализа этой категории предметов выделено пять вариантов, отличающихся оформлением щитка. На сегодняшний день именно в нижнем течении Ангары фиксируется наибольшее разнообразие украшений этого типа, и эта территория является самым северо-восточным регионом массового распространения трехчастных нашивок. Имеющиеся материалы позволяют говорить о том, что эти изделия широко использовались ангарским населением на протяжении всего развитого Средневековья, но наибольшее их число зафиксировано в погребениях монгольского времени.

Нашивки отличаются размерами, пропорциями, деталями оформления, способами формовки петель, почти на трети изделий присутствует брак. Все это говорит о низком уровне развития литейного производства. Украшения отливались по восковым моделям, в двусторчатых, вероятно, одноразовых формах.

Пока нельзя определить, откуда именно трехчастные нашивки поступали в Нижнее Приангарье. Традиционно в качестве основного района распространения украшений этого типа в начале II тыс. н.э. рассматривалась Западная Сибирь. Именно здесь в это время подобные нашивки известны практически повсеместно. Но, за исключением Тазовской ювелирной мастерской, следы их производства здесь не зафиксированы. Учитывая разнообразие вариантов ангарских трехчастных нашивок и технические аспекты, можно предполагать, что эти вещи попадали в Приангарье из разных ремесленных центров. Кроме того, нельзя исключать, что некоторые изделия изготавливались на месте, в подражание западносибирским образцам.

Вопрос о путях появления трехчастных нашивок на территории Нижнего Приангарья требует дальнейших исследований, его решение позволит получить развернутую характеристику направления и характера культурных связей средневекового населения региона с соседями близлежащих и отдаленных территорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Боброва А. И. О хронологии художественных бронз Тискинского могильника // Археология и этнография Приобья. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1982. С. 36–46.

Боброва А. И. Шейные украшения средневекового населения Нарымского Приобья // Археолого-этнографические исследования в южнотаежной зоне Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 2003. С. 24–28.

Боброва А. И. К вопросу о реконструкции селькупского костюма по материалам могильника XVII века на Остяцкой горе (к 60-летию исследований А. П. Дульзона у с. Молчанова) // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2015. № 1 (7). С. 82–94.

Богучанская археологическая экспедиция. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2014. 105 с.

Валиулина С. И., Ениосова Н. В., Орфинская О. В. Комплексное исследование материалов из погребения 7 Больше-Тиганского могильника // Археология евразийских степей. 2018. № 6. С. 35–65.

Гордиенко А. В. Культурные связи Сургутского Приобья в эпоху раннего средневековья. Тюмень: Изд-во РИЦ ТГИК, 2018. 427 с.

Данич А. В. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. 2013. № 1 (3). С. 181–196.

Данич А. В. Исследования Баяновского могильника // Труды КАЭЭ ПГГПУ. 2016. Вып. XI. С. 36–43.

Денисенко В. Л., Филатов Е. А. Детские погребения могильника на стоянке Галкина-1 // Актуальная археология 5. СПб. : Невская Типография, 2020. С. 67–70. DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-67-71.

Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения Чулымских татар // Ученые записки ТГПИ. Томск : Том. гос. пед. ин-т, 1953. Т. X. С. 127–334.

Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI–XIII в. М. : Индрик, 2011. 404 с.

Круглов Е. В. Государство гузов в памятниках археологии и по данным Ибн Фадлана // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. М. : ИД Марджани, 2016. С. 186–225.

Леонтьев В. П. К вопросу о проникновении тюркоязычных компонентов в Северное Приангарье // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск : Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1985. С. 135–137.

Мажитов Н. А. Южный Урал в VII–XIV вв. М. : Наука, 1977. 244 с.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Культурная принадлежность памятников развитого средневековья южнотаежной зоны Средней Сибири // Российская археология. 2018. № 2. С. 98–112. DOI: 10.7868/S0869606318020083.

Мандрыка П. В., Сенотрусова П. О. Позднесредневековое погребение стоянки Пропсихинская Шивера-II на Ангаре // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии. Иркутск : Оттиск, 2015. С. 381–390.

Медведев В. Е. Приамурье в конце I — начале II тысячелетия (чжурчженская эпоха). Новосибирск : Наука, 1986. 208 с.

Медведев В. Е. Корсаковский могильник: хронология и материалы. Новосибирск : Наука, 1991. 175 с.

Минасян Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. 472 с.

Нарымское Приобье во II тысячелетии н. э. (X–XX вв.). Томск : Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2016. 278 с.

Привалихин В. И. О погребальной обрядности таежного населения Северного Приангарья в начале II тыс. н. э. // Культурогенетические процессы в Западной Сибири. Томск : Изд-во ТГУ, 1993. С. 101–103.

Привалихин В. И., Фокин С. М. Железные ножи с кольцевидным навершием Северного Приангарья, Среднего Енисея и Эвенкии // Енисейская провинция: альманах. Красноярск : ККМ, 2009. Вып. 4. С. 311–326.

Семенова В. И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск : Наука, 2001. 296 с.

Сенотрусова П. О. Могильник Проспихинская Шивера-IV как источник для реконструкции погребальной обрядности и социальной структуры населения Северного Приангарья развитого средневековья : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 26 с.

Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В., Пошехонова О. Е. Особенности погребальной обрядности средневекового населения Северного Приангарья (по материалам могильника Проспихинская Шивера-IV) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1. С. 103–114.

Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В., Тишкин А. А. Состав сплавов изделий из цветных металлов могильника Проспихинская Шивера-IV // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 125–129.

Томилова Е. А., Стасюк И. В., Горельченкова О. А., Кукса Е. Н., Махлаева Ю. М., Акимова Е. В., Харевич В. М. Исследования многослойной стоянки Усть-Кова I в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. Т. XVII. С. 477–481.

Федорова Н. В., Зыков А. П. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург : УрГУ, 1991. С. 126–145.

Хлобыстин Л. П., Овсянников О. В. Древняя ювелирная мастерская в западносибирском Заполярье // Проблемы археологии Урала и Сибири. М. : Наука, 1973. С. 248–257.

REFERENCES

Bobrova A. I. O khronologii hudozhestvennykh bronz Tiskinskogo mogil'nika [About the Chronology of the Artistic Bronzes of the Tiskinsky Burial Ground]. *Arheologiya i etnografiya Priob'ya* [Archaeology and Ethnography of the Ob Region]. Tomsk : Izd-vo Tom. un-ta, 1982. Pp. 36–46. (*In Russ.*)

Bobrova A. I. Shejnye ukrasheniya srednevekovogo naseleniya Narymskogo Priob'ya [Neck Jewelry of the Medieval Population of the Narym Ob Region]. *Arheologo-etnograficheskie*

issledovaniya v yuzhnotaehznoj zone Zapadnoj Sibiri [Archaeological and Ethnographic Research in the Southern Saiga Zone of Western Siberia]. Tomsk : Izd-vo TGU, 2003. Pp. 24–28. (*In Russ.*)

Bobrova A. I. K voprosu o rekonstrukcii sel'kupskogo kostyuma po materialam mogil'nika XVII veka na Ostyackoj gore (k 60-letiyu issledovaniy A. P. Dul'zona u Pp. Molchanova) [On the Question of the Reconstruction of a Selkup Costume Based on Materials from the 17th Century Burial Ground on Ostyatskaya Mountain (to the 60th Anniversary of A. P. Dulzon's Research Near the Village of Molchanov)]. Tomskij zhurnal LING i ANTR [Tomsk Journal LING and ANTR]. 2015. № 1 (7). Pp. 82–94. (*In Russ.*)

Boguchanskaya arheologicheskaya ekspeditsiya [Boguchansk Archaeological Expedition]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2014. 105 p. (*In Russ.*)

Valiulina Pp. I., Eniosova N. V., Orfinskaya O. V. Kompleksnoe issledovanie materialov iz pogrebeniya 7 Bol'she-Tiganskogo mogil'nika [Comprehensive Study of Materials from Burial 7 of the Bolshe-Tigansky Burial Ground]. Arheologiya evrazijskih stepej [Archaeology of the Eurasian Steppes]. 2018. № 6. Pp. 35–65. (*In Russ.*)

Gordienko A. V. Kul'turnye svyazi Surgutskogo Priob'ya v epohu rannego srednevekov'ya [Cultural Ties of the Surgut Ob Region in the Early Middle Ages]. Tyumen' : Izd-vo RIC TGIK, 2018. 427 p. (*In Russ.*)

Danich A. V. Poyasnye nakladki Pitserskogo (Stepanovo Plotbishche) mogil'nika [Belt Pads of the St. Petersburg (Stepanovo Plotbishche) Burial Ground]. Povolzhskaya arheologiya [Volga Archaeology]. 2013. № 1 (3). Pp. 181–196. (*In Russ.*)

Danich A. V. Issledovaniya Bayanovskogo mogil'nika [Research into the Bayanovsky Burial Ground]. Trudy KAEE PGGPU [Proceedings of the KAEE PGSPU]. 2016. Issue XI. Pp. 36–43. (*In Russ.*)

Denisenko V. L., Filatov E. A. Detskie pogrebeniya mogil'nika na stoyanke Galkina-1 [Children's Burials of the Burial Ground at the Galkina-1 Site]. Aktual'naya arheologiya 5 [Topical Archaeology 5]. SPb. : Nevskaya Tipografiya, 2020. Pp. 67–70. (*In Russ.*) DOI: 10.31600/978-5-907298-04-0-2020-67-71.

Dul'zon A. P. Pozdnie arheologicheskie pamyatniki Chulyma i problema proiskhozhdeniya Chulymskih tatar [Late Archaeological Sites of Chulym and the Problem of the Origin of the Chulym Tatars]. Uchenye zapiski TGPI [Scientific Notes of TSPI]. Tomsk : Tom. gos. ped. int, 1953. Vol. X. Pp. 127–334. (*In Russ.*)

Zajceva I. E., Saracheva T. G. Yuvelirnoe delo "Zemli vyatichej" vtoroj poloviny XI–XIII v. [Jewelcrafting "Land of Vyatichi" of the Second Half of the 11th–13rd Centuries]. M. : Indrik, 2011. 404 p. (*In Russ.*)

Kruglov E. V. Gosudarstvo guzov v pamyatnikah arheologii i po dannym Ibn Fadlana [The Guz State in Archaeological Sites and according to Ibn Fadlan]. Puteshestvie Ibn Fadlana: "Volzhskij put" ot Bagdada do Bulgara [The Ibn Fadlan's Journey: the Volga Route from Baghdad to Bulgar]. M. : ID Mardzhani, 2016. Pp. 186–225. (*In Russ.*)

Leont'ev V. P. K voprosu o proniknovenii tyurkoyazychnyh komponentov v Severnoe Priangar'e [On the Issue of the Penetration of the Turkic-speaking Components into the Northern Angara Region]. Problemy drevnih kul'tur Sibiri [Problems of Ancient Cultures

of Siberia]. Novosibirsk : Institut istorii, filologii i filosofii SO AN SSSR, 1985. Pp. 135–137. (*In Russ.*)

Mazhitov N. A. Yuzhnyj Ural v VII–XIV vv. [South Urals in the 7th–14th Centuries.]. M.: Nauka, 1977. 244 p. (*In Russ.*)

Mandryka P. V., Senotrusova P. O. Kul'turnaya prinadlezhnost' pamyatnikov razvitogo srednevekov'ya yuzhnotaezhnoj zony Srednej Sibiri [Cultural Affiliation of the Sites of the Developed Middle Ages in the Southern Taiga Zone of Central Siberia]. Rossijskaya arheologiya [Russian Archaeology]. 2018. №2. Pp. 98–112. (*In Russ.*) DOI: 10.7868/S0869606318020083.

Mandryka P. V., Senotrusova P. O. Pozdnesrednevekovoe pogrebenie stoyanki Prospikhinskaya Shivera-II na Angare [Late Medieval Burial of the Prospikhinskaya Shivera-II Site on the Angara]. Aktual'nye voprosy arheologii i etnologii Central'noj Azii [Topical Issues of Archaeology and Ethnology in Central Asia]. Irkutsk : Ottisk, 2015. Pp. 381–390. (*In Russ.*)

Medvedev V. E. Priamur'e v konce I — nachale II tysyacheletiya (chzhurchzhen'skaya epoha) [The Amur Region at the End of the 1st — Beginning of the 2nd Millennium (Jurchen Era)]. Novosibirsk : Nauka, 1986. 208 p. (*In Russ.*)

Medvedev V. E. Korsakovskij mogil'nik: hronologiya i materialy [Korsakov Burial Ground: Chronology and Materials]. Novosibirsk : Nauka, 1991. 175 p. (*In Russ.*)

Minasyan R. S. Metalloobrabotka v drevnosti i Srednevekov'e [Metalworking in Antiquity and the Middle Ages]. SPb. : Izd-vo Gos. Ermitazha, 2014. 472 p. (*In Russ.*)

Narymskoe Priob'e vo II tysyacheletii n. e. (X–XX vv.) [Narymskoe Ob Region in the 2nd Millennium AD (the 10th–20th Centuries)]. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. ped. un-ta, 2016. 278 p. (*In Russ.*)

Privalihin V. I. O pogrebal'noj obryadnosti taezhnogo naseleniya Severnogo Priangar'ya v nachale II tys. n. e. [On the Funeral Rituals of the Taiga Population of the Northern Angara Region at the Beginning of the 2nd Millennium AD]. Kul'turogeneticheskie processy v Zapadnoj Sibiri [Cultural and Genetic Processes in Western Siberia]. Tomsk : Izd-vo TGU, 1993. Pp. 101–103. (*In Russ.*)

Privalihin V. I., Fokin S. M. Zheleznye nozhi s kol'cevidnym navershiem Severnogo Priangar'ya, Srednego Eniseya i Evenkii [Iron Knives with a Ring-shaped Pommel of the Northern Angara Region, the Middle Yenisei and Evenkia]. Enisejskaya provinciya: al'manah [Yenisei Province: Almanac]. Krasnoyarsk : KKM, 2009. Issue 4. Pp. 311–326. (*In Russ.*)

Semenova V. I. Srednevekovye mogil'niki Yuganskogo Priob'ya [Medieval Burial Grounds of the Yuganskiy Ob Region]. Novosibirsk : Nauka, 2001. 296 p. (*In Russ.*)

Senotrusova P. O. Mogil'nik Prospikhinskaya Shivera-IV kak istochnik dlya rekonstrukcii pogrebal'noj obryadnosti i social'noj struktury naseleniya Severnogo Priangar'ya razvitogo srednevekov'ya : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Burial Ground Prospikhinskaya Shivera-IV as a Source for the Reconstruction of Funeral Rituals and Social Structure of the Population of the Northern Angara Region of the Developed Middle Ages: Synopsis of the Dis. ... Cand. Hist. Sciences]. Barnaul, 2013. 26 p. (*In Russ.*)

Senotrusova P. O., Mandryka P. V., Poshekhonova O. E. Osobennosti pogrebal'noj obryadnosti srednevekovogo naseleniya Severnogo Priangar'ya (po materialam mogil'nika Prospikhinskaya Shivera-IV) [Features of the Burial Rituals of the Medieval Population of the Northern Angara Region (Based on Materials from the Prospikhinskaya Shivera-IV Burial

Ground)]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2014. № 1. Pp. 103–114. (*In Russ.*)

Senotrusova P. O., Mandryka P. V., Tishkin A. A. Sostav splavov izdelij iz cvetnyh metallov mogil'nika Prospikhinskaya Shivera-IV [Alloy Composition of Non-ferrous Metal Products from the Prospikhinskaya Shivera-IV Burial Ground]. *Arheologiya Zapadnoj Sibiri i Altaya: opyt mezhdisciplinarnyh issledovanij* [Archaeology of Western Siberia and Altai: Experience of Interdisciplinary Research]. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2015. Pp. 125–129. (*In Russ.*)

Tomilova E. A., Stasyuk I. V., Gorel'chenkova O. A., Kuksa E. N., Mahlaeva Yu. M., Akimova E. V., Harevich V. M. Issledovaniya mnogoslojnoj stoyanki Ust'-Kova i v 2011 godu [Exploration of the Multilayer Site of Ust'-Kova i in 2011]. *Problemy arheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nyh territorij* [Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories]. Novosibirsk : Izd-vo In-ta arheologii i etnografii SO RAN, 2011. Vol. XVII. Pp. 477–481. (*In Russ.*)

Fedorova N. V., Zykov A. P. Surgutskoe Priob'e v epohu srednevekov'ya [Priobie in the Middle Ages]. *Voprosy arheologii Urala* [Archaeological Issues of the Urals]. Ekaterinburg: UrGU, 1991. Pp. 126–145. (*In Russ.*)

Hlobystin L. P., Ovsyannikov O. V. Drevnyaya yuvelirnaya masterskaya v zapadnosibirskom Zapolyar'e [Ancient Jewelry Workshop in the West Siberian Arctic]. *Problemy arheologii Urala i Sibiri* [Problems of Archaeology of the Urals and Siberia]. M. : Nauka, 1973. Pp. 248–257. (*In Russ.*)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Максакова Дарья Андреевна, лаборант Лаборатории археологии Енисейской Сибири Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Российская Федерация.

Daria Andreevna Maksakova, Assistant of the Laboratory of Archaeology of Yenisei Siberia, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation.

Сенотрусова Полина Олеговна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологии Енисейской Сибири Сибирского федерального университета, г. Красноярск, Российская Федерация.

Polina Olegovna Senotrusova, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Laboratory of Archaeology of Yenisei Siberia, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation.

Материал поступил в редколлегию 14.03.2021.

Статья принята в номер 11.05.2021.